

Historical trends in the study of the phenomenon of wisdom in psychological science

N. N. Mekhtikhanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-620-630

Research article
Full text in Russian

The article briefly describes the traditions of the study of wisdom in the philosophical period of the development of psychology. Wisdom was associated with moral virtue and a good solution to life's problems. This served as the basis for the modern understanding of the phenomenon. The chronology of the study of wisdom in foreign and domestic psychology is presented. It is shown that there are two main approaches in research – implicit and explicit. The reasons for the long-term neglect of the phenomenon in psychology and the revival of interest in modern science are analyzed.

Keywords: wisdom; philosophy; theoretical and empirical studies of wisdom; implicit and explicit approaches; difficulties in the study of wisdom; reasons for the revival of interest in wisdom

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mekhtikhanova, Natalya N. | E-mail: natnik1@list.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Исторические тенденции в изучении феномена «мудрость» в психологической науке

Н. Н. Мехтиханова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 1500003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-4-620-630
УДК 159.9.072.59

Научная статья
Полный текст на русском языке

Кратко описываются традиции изучения мудрости в философский период развития психологии. Мудрость связывалась с нравственной добродетелью и хорошим решением жизненных проблем. Это послужило основой для современного понимания феномена. Излагается хронология изучения мудрости в зарубежной и отечественной психологии. Показано, что существуют два основных подхода в исследованиях – имплицитный и эксплицитный. Анализируются причины долгого игнорирования феномена в психологии и возрождения интереса в современной науке.

Ключевые слова: мудрость; история развития; теоретические и эмпирические исследования мудрости; имплицитный и эксплицитный подходы; трудности в исследованиях мудрости; причины возрождения интереса к мудрости

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мехтиханова, Наталья Николаевна | E-mail: natnik1@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Почти полвека назад психологи В. Клейтон и Дж. Биррен писали, что в технологических обществах гораздо больше внимания уделяется когнитивным навыкам, которые нужны для продуктивной деятельности, чем личной мудрости, необходимой для хорошей жизни [1]. За прошедшие годы материальная жизнь, несомненно, изменилась к лучшему, но стали ли люди счастливее? Изучение мудрости с древности имело цель помочь людям понять свою природу, причины страданий и благополучия, но даже эта высоко гуманная цель не облегчила разработку научного подхода к мудрости. Путь, который прошла проблема мудрости в психологии, оказался очень непростым. По сей день отсутствует единство в понима-

нии, определении и объяснении феномена мудрости. Отчасти это можно объяснить противоречивой природой мудрости. Отметим некоторые самые важные парадоксы [2].

Мудрость субъективна и объективна. В объективных документах, где описываются мудрые люди и их действия, отражается субъективный опыт человека.

Мудрость предполагает как знание, так и неуверенность; основана на знаниях, но формируется в неопределенности. Мудрые люди знают, что они не знают многое, и действуют соответствующим образом: или ищут новую информацию, или принимают, что некоторые результаты по своей сути неопределенны и непостижимы.

Мудрость предполагает как потери, так и выгоду. Иногда мы обретаем мудрость через неудачу, через утрату иллюзий, привязанностей. И эти потери могут быть источником если не радости, то хотя бы личностного роста.

Мудрость требует перемен через принятие. Принимая обстоятельства такими, как они есть, мудрость позволяет возникнуть новым возможностям и перспективам.

Мудрость своевременна и вечна. Мудрость предполагает саморазвитие через самоотверженность. Мудрость требует и личной отстраненности, и в то же время вовлеченности в заботу о коллективном благополучии. Мудрость предполагает как действие, так и активное разумное бездействие. Эмоции имеют центральное значение для мудрости, но эмоциональная отрешенность обязательна. Мудрый поступок в одном контексте может быть чистой глупостью в другом [3].

В российской психологической науке к этим парадоксам можно добавить ещё один: все хотят знать, что такое мудрость, но считают её слишком загадочной и неуловимой, опасаются начать разработку проблемы и явно недостаточно изучают её.

Наконец, нам нужна мудрость, чтобы понять мудрость [1].

Многие исследователи проблемы мудрости пришли к её изучению в силу определенных личных обстоятельств. Так, В. Клейтон, была поражена различиями между своими близкими при решении сложных жизненных проблем [1]. Кто-то был удивлен тайной, окружающей феномен мудрости. Для кого-то открытие мудрости началось с мудрых книг, а кто-то получил своевременный и конструктивный мудрый совет.

Мудрость является неотъемлемой частью наших имплицитных представлений о людях, а сам термин часто используется в обыденном общении. Народная мудрость нашла отражение в устном творчестве, в сказках, песнях, поговорках, благодаря чему передавалась из поколения в поколение. Мудрецами считались философы, уважаемые старцы, люди, имеющие богатый жизненный опыт и всесторонние знания.

Одними из первых книг о мирской мудрости, как принято считать, являются книги визиря фараона Исси Птаха Хотепа, написанные где-то между 2870 и 2675 годами до н. э. Книги, посвященные его сыну, содержали инструкции, описывающие правильное поведение, принципы достойной жизни, и, вероятно, использовались для изучения философии в школах [4].

В дальнейшем феномен мудрости стал объектом для обсуждения в различных религиозных учениях: в Библии, Коране, трудах Конфуция, буддийских трактатах и др. Эти работы в значительной мере повлияли на понимание мудрости в философии [4–8].

В различные периоды истории обсуждение проблемы мудрости велось, главным образом, в философских и религиозных учениях. Первоначально, до Сократа, философы наделяли мудростью только божественных существ, а для людей она была недостижимым и непостижимым идеалом, к которому необходимо стремиться.

В произведениях Платона мудростью наделяется живой человек – Сократ, а это значит, что она является элементом человеческой жизни. Как известно, Сократ, признанный мудрейшим из людей, предпочитал знание о добродетели знанию о физической вселенной. Платон, ученик Сократа, писал, что мудрость понимается им как знание о наилучших действиях по отношению к себе и другим, как знание того, что полезно для каждого. В работах Платона и Аристотеля мудрость предстаёт как идеальная интеграция знания и действия, ума и добродетели. Мудрость неодинакова по своим целям, происхождению, структуре. Прежде всего, это философская мудрость – София – знание ради самого знания. Аристотель ввел важное различие между теоретической мудростью – «episteme» и тем, что он назвал «phronesis» – практической мудростью. Он утверждал, что «теоретическая мудрость» связана с объяснительным знанием в «непрактичной» области (например, физика или метафизика), тогда как знание о том, как хорошо жить, как выбирать этические средства для достижения правильных целей в повседневной жизни, в конкретных ситуациях, является «практической мудростью». Практическая мудрость по Аристотелю предполагает, что человек должен быть морально добродетельным, стремиться к процветанию как личному, так и общечеловеческому. Мудрость является врожденной способностью, но её можно развить, постоянно практикуясь [1, 4].

Эти и другие идеи древних ученых послужили основой для формулирования основных проблем психологии мудрости, которые продолжают разрабатываться в современных исследованиях [8].

Период средневековья в европейской христианской традиции ознаменовался обращением вновь к идеальной, недостижимой мудрости, каковой является божественная мудрость. Стремление к ней является до-

стойной целью для каждого человека и приближает его к Богу. Эти идеи, в частности, прослеживаются в работах Святого Августина, Фомы Аквинского и других философов и богословов [4]. Для Святого Фомы было важно различать веру и разум, что имело следствием дифференциацию науки (в те времена – философии) и религии. Поэтому «добродетельное поведение или практическая мудрость (Фронезис) стала в большей мере областью церкви, в то время как изучение философской мудрости (София) наряду с изучением научного знания (Эпистема) стала областью научного знания. Это разделение можно считать одной из причин долгого невнимания психологической науки к феномену мудрости» [9, с. 251].

Развитие европейской культуры и науки периодов Возрождения и Нового времени не стало принципиальным прорывом в изучении мудрости. Секуляризация знания подразумевала научный метод, логику, математику. Это противоречило глубинным основаниям мудрости – созерцанию, интуиции, откровению. Мудрость по-прежнему считалась недоступной для научного изучения, её достижение рассматривалось как божий дар, что не позволяло ввести её познание в круг научных задач.

Тем не менее некоторые философы развивали идеи Аристотеля о многообразии видов мудрости, её роли в жизни людей. Так, у Декарта мудрость варьировалась от земной до божественной. Мудрость имеет разные уровни и может развиваться от здравого смысла до вдохновенного суждения и понимания. Декарт рассматривал её как гармоничное дополнение к научному знанию: знание включало накопление фактов, тогда как мудрость организовывала и интерпретировала эти факты [4].

Вместе с тем возможность понимания и развития мудрости продолжала оцениваться философами очень по-разному. И. Кант, например, писал о необходимости любви к мудрости, её почитанию, но недостижимости в обычной жизни.

Как мы уже отмечали, «долгое время право на суждения о мудрости принадлежало философии и религии, а психология скромно ожидала своей очереди в познании этого феномена. Даже когда в XIX в. произошло революционное отделение психологии от философии, а романтизм и трансцендентализм возродили интерес к мудрости в гуманитарных науках, обращение к исследованию мудрости было не выгодно для психологической науки. Как справедливо замечает Робинсон, расцветающая самостоятельная психология искала признания в области естественных наук. Мудрость как объект исследования казалась чем-то очень далеким, исключительным, непостижимым: она была, как считалось, недоступна эмпирическим замерам, мудрецы, как потенциальные испытуемые встречались редко. Не в должной мере оценивалась и роль мудрости, её функции в обыденной жизни каждого человека и общества» [9, с. 251].

И только почти пять тысячелетий спустя после первых упоминаний мудрости психологи стали её изучать. Первоначально проблема мудрости была частью более широких теорий. Это, главным образом, теории развития личности, и мудрость считалась идеальной, конечной точкой жизненного пути. С. Холл в фундаментальном труде «Старение» рассуждал о слабостях и возможностях старения. В этот период человеческой жизни в силу биологических законов происходит снижение интеллектуальных и других функций, но мудрость компенсирует это, что позволяет человеку успешно и благополучно существовать. Кроме того, мудрость в зрелом возрасте помогает извлечь моральные уроки из прошлой жизни, формирует спокойствие и беспристрастность [3].

В концепции личности К. Г. Юнга описывается «архетип мудрого старика». Мудрец помогает в решении сложных жизненных проблем, хранит и развивает культуру и традиции [10].

Мудрость считалась фактором и результатом конструктивного решения последнего психосоциального конфликта, или эго-целостности в концепции Э. Эриксона. Это особый, высший уровень развития человека, когда он понимает смысл жизни, свое положение в мире и т. п. Самыми главными детерминантами появления мудрости являются саморазвитие и самотрансценденция. Благодаря им человек признает, что, несмотря на возрастные потери, можно открыть много нового в жизни [7].

«Вместе с тем, до 1980-х гг. все обсуждения феномена мудрости носили теоретический характер. Важнейшим шагом на пути психологических исследований мудрости стали работы Вивиан Клейтон. По всеобщему признанию, Клейтон – психолог, положивший начало всем последующим эмпирическим исследованиям мудрости. Значимость ее работ высоко оценили Р. Дж. Стернберг, П. Балтес, Д. Смит и др. По их мнению, утверждение В. Клейтон, что мудрость может быть законной темой для эмпирического изучения, было большим прорывом в науке [9, с. 252].

Будучи очень наблюдательной, В. Клейтон заметила множество особенностей поведения некоторых своих родственников: они были эмоционально устойчивы, скромны, добры, принимали решения, полезные для всех. Все эти характеристики она обозначила как мудрость, которая включает три составляющих: когнитивную, аффективную и рефлексивную. Наличие первой из них позволяет считать мудрость другим образованием, нежели интеллект. Мудрость связана в большей мере с личностью, чем с интеллектом и с познавательными способностями. В. Клейтон также считала, что возраст и жизненный опыт не являются залогом обретения мудрости [7].

Первоначально публикации по психологии мудрости были единичными, но далее произошел лавинообразный рост исследований. Мудрость стала полноправным объектом изучения в нашей науке. В 1990 году вы-

ходит книга под редакцией Р. Стернберга «Мудрость: ее природа, происхождение и развитие».

Она стала первым обобщающим трудом многих эмпирических и теоретических исследований, выполненных на тот момент времени. Предисловие к сборнику, написанному главным редактором, содержит описание общих подходов к изучению мудрости: а) философского, б) психологического, который, в свою очередь делится на имплицитный и эксплицитный [1]. «Имплицитные» исследования изучают неявные теории мудрости обычного человека и основаны на непрофессиональном, житейском понимании термина. Эти теории содержат верования, представления людей о мудрости и особенностях мудрого человека. Житейские представления вносят определенный вклад в научное изучение мудрости.

Вторая группа – эксплицитные исследования, в них ученые пытаются применять традиционные эмпирические методы. Главная цель этих работ – сформировать теоретическую модель мудрости. Явные теории мудрости являются производными от экспертного мнения и знаний. Они часто основаны на теоретических моделях развития, например, теории психосоциального развития Эриксона, теориях когнитивного развития. Акцент в явных теориях мудрости ставится на познавательных и поведенческих выражениях мудрости [9, с. 254].

Примером эксплицитных теорий могут служить разработки П. Балтеса и его коллег, выполненные в Институте Макса Планка в Берлине. Теория основывается на когнитивистском подходе, который доминировал в психологии 1990-х гг. Мудрость понималась как экспертная система знаний и суждений, выдающаяся способность понимания фундаментальных проблем, касающихся смысла и течения [7].

Теория группы Балтеса подверглась критике, но многих ученых это подтолкнуло к созданию собственных моделей мудрости. Появились многочисленные обзоры исследований, выполненных в зарубежной психологии. Так, Р. Тробриндж в 2005 году в результате анализа работ, выполненных за последние 25 лет, сделал следующие выводы:

«1. Мудрость была вновь введена в современную науку через создание эмпирических исследований.

2. Мудрость операционализируется многими различными способами. Это уникальная конструкция, связанная с эмоциональным и когнитивным интеллектом или любой другой личностной чертой, но отличающаяся от них.

3. Хотя многие исследования были направлены на определение мудрости, этот вопрос так и не решен.

4. Мудрость – это область, в которой пожилые люди могут преуспеть.

5. Мудрость как опыт и как эвристическое отношение к смыслу и поведению жизни богата возможностями.

6. Самым большим прогностическим фактором для мудрости, как было установлено, является профессия в такой области, как клиническая психология и пастырская деятельность.

7. Были обнаружены положительные корреляции между мудростью и удовлетворенностью жизнью, а также особыми личностными чертами, такими как открытость, социальный интеллект и моральное мышление.

8. Исследователи обнаружили, что мудрость можно развить, консультируясь с другими или давая человеку время обдумать ситуацию» [9, с. 255].

В 2019 г. в г. Торонто (Канада) были приглашены исследователи мудрости из многих стран с целью оценить доминирующие методологические, теоретические и эмпирические позиции и выработать общую позицию по проблеме мудрости. Итогом работы Рабочей группы по мудрости стала общая модель мудрости [11–12]. За время, прошедшее с момента встречи ученых, количество публикаций по проблеме мудрости в зарубежной психологии продолжает неуклонно расти.

Отечественная психология сравнительно недавно обратилась к проблеме мудрости. Прежде всего ученые описывали, анализировали, делали выводы об исследованиях, выполненных за рубежом [5–6, 10, 13–20]. В целом оценки этих работ являются достаточно высокими. Тем не менее определенный скепсис по отношению к возможности изучать мудрость, особенно эмпирически, имеется. Российские ученые настаивают на чрезмерной сложности эмпирического изучения мудрости, говорят об ее исключительности, малой распространенности, предупреждают о подмене феномена мудрости некими мудроподобными решениями [9].

Несомненно, что такие проблемы существуют, но действие в любом случае лучше бездействия, и не надо искать «абсолютных мудрецов», как справедливо отмечает В.В. Нуркова и ее коллеги [15]. В частности, они ставят задачу изучения мудрых решений и советов в контексте психологии развития, используя методы исследования автобиографической памяти. Исследования Н. Н. Мехтихановой, С. Э. Дровосекова выполнены с помощью психометрически проверенных диагностических методик [13, 19]. Работы А. С. Огнева, Е. А. Никитиной посвящены изучению имплицитных представлений о мудрости и также основаны на эмпирических методах [14, 16].

Таким образом, можно констатировать недостаточное внимание российских ученых к исследованию проблем психологии мудрости.

Причин для такого положения дел можно найти немало. Как нами уже было отмечено, прежде всего «...отсутствие надежных методов является одной из причин затруднений в изучении мудрости в российской науке, но, как показал анализ и зарубежных, и отечественных работ,

не только это, а еще целый ряд обстоятельств обусловили долгое забвение проблемы мудрости в психологической науке.

Среди причин длительного отсутствия интереса у психологов к проблеме мудрости также следует отметить многогранность, сложность и даже некую иллюзорность, неуловимость самого конструкта. Многие ученые, как и обычные люди, видели и видят в мудрости человеческий идеал, который практически не достижим, не объективируем, а значит, и не изучаем.

Также сама психология, стремясь стать самостоятельной наукой, максимально дистанцировалась от философии и ее понятий, а тема мудрости на протяжении тысячелетий как раз была в центре внимания философов и религиозных деятелей. Более того, западная культура была склонна приравнивать любое знание к техническому или научному знанию и закрывать глаза на другие виды знания, такие как мудрость» [9, с. 255].

Как показал проведенный анализ работ по истории изучения мудрости, обращение ученых к этой проблеме в конце XX в. было не случайным, а обусловленным рядом причин. По мнению Д. А. Леонтьева, «идея мудрости утратила актуальность, обесценилась — общественный запрос на мудрость стал размываться и ослабевать. Это во многом связано с наступлением «массовой культуры» на просто культуру, с омассовлением» [6, с. 20]. В XX веке произошло осознание относительности всех ценностных систем, но понимание в обществе того, что социальная жизнь, коммуникация оказываются невозможны в отсутствие разделяемых всеми оснований, побудило обратиться к мудрости. Кроме того, возникло «осознание необходимости преодолеть интеллектуальную фрагментарность, восстановить целостность человека и стимулировать рост интереса к такому холистическому и междисциплинарному понятию, как “мудрость”» [6, с. 21].

В. В. Нуркова с соавторами отмечают, что «рост катастроф, рисков, неопределенности в кризисном обществе возрождает гуманитарный идеал эффективного мышления, результаты которого должны соответствовать общечеловеческим ценностям и жизненному опыту субъекта. Надежды возлагаются на мудрость — «благоразумие, соединенное с добродетелью» [16, с. 68–69].

Кроме того, и сама логика развития науки заставляет исследователей обратиться к феномену мудрости «в связи с изменившейся структурой развития психологии, а именно с выдвиганием в центр исследования когнитивных процессов, постановкой новой проблемы социального интеллекта, а также повышением внимания к поздним периодам жизни человека» [10, с. 17].

Таким образом, в современную эпоху мудрость как вид знания, который гибко приспосабливается к сложным ситуациям, оказалась в центре внимания. В течение примерно пятидесяти лет эмпирических исследова-

ний мудрости ученые создали многочисленные концепции мудрости, основанные на «тщательных обзорах литературы». Тем не менее каждая группа исследователей читала литературу по-своему и в конечном итоге разработала интересные, но часто взаимно противоречащие концепции. Исторические исследования мудрости позволяют понять разнообразие и историческую преемственность доминирующих теорий, выявить структуру и функции мудрости, наметить пути дальнейших исследований.

Ссылки

1. Wisdom: Its nature, origins, and development / Ed. R. J. Sternberg. N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 352 p.
2. Vervaeke J., Ferraro L. Relevance, meaning and the cognitive science of wisdom // *The Scientific Study of Personal Wisdom*. Dordrecht, Netherlands: Springer Netherlands, 2013. P. 21–51.
3. Hall S. Wisdom: From philosophy to neuroscience. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2010. 333 p.
4. Assmann A. Wholesome knowledge: Concepts of wisdom in a historical and crosscultural perspective // *Life-span development and behavior*. Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1994. P. 187–224.
5. Каримов М. Г., Епанчинцева Г. А. Феномен мудрости в историко-философском и психологическом дискурсах // *Психология и психотехника*. 2015. №. 10. С. 1032–1043.
6. Леонтьев Д. А. Возможность мудрости // *Человек*. 2011. №. 1. С. 20–34.
7. A handbook of wisdom: Psychological perspectives / Eds.: R. J. Sternberg, J. Jordan. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 406 p.
8. The Cambridge Handbook of Wisdom / Eds.: R. J., Sternberg, J Glück.. N. Y.: Cambridge University Press, 2019.
9. Мехтиханова Н.Н. История изучения феномена мудрости в психологической науке // *История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01–03 июня 2021 г.* / отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 249–256.
10. Анцыферова Л. И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25, № 3. С. 17–24.
11. Trowbridge R. The scientific approach to wisdom (Unpublished Ph.D. Thesis) // *Union Institute & University, Cincinnati, OH*, 2005. 301 p.
12. The Science of Wisdom in a Polarized World: Knowns and Unknowns / I. Grossmann [et al] // *Psychological Inquiry*. 2020. Vol. 31, No. 2. P. 103–133. DOI 10.1080/1047840X.2020.1750917.

13. Знаков В. В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 27–34. DOI 10.31857/S020595920006073-6.
14. Мехтиханова Н. Н. Мудрость как научная категория // Психологические исследования интеллекта и творчества: материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 230–233.
15. Никитина Е. А. Представления людей разного возраста о мудрости // Методология, теория, история психологии личности: сб. / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 425–432.
16. Нуркова В. В., Алюшева А. Р., Березанская Н. Б. Проблема исследования мудрости в контексте смысловой теории мышления // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием), Москва, 30 мая – 1 июня 2013 года / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии; отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 68–71.
17. Огнев А. С., Гончаров Ю. Н., Постникова Н. В. Мудрость как акмеологический феномен // Акмеология. 2002. № 3 (4). С. 17–22.
18. Ожиганова Г. В. Психология молчания и продуктивная жизнедеятельность в контексте мудрости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25, № 3. С. 51–55. DOI 10.34216/2073-1426-2019-25-3-51-55.
19. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. 264 с.
20. Дровосеков С. Э. Диагностика мудрости: анализ внутренней согласованности опросника мудрости 3D-WS М. Ардельт // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 69–72.